

Настоящий текст воспоминаний подготовлен А.Ф. Ворониной при активном участии Н.Т. Самойлович. В его просмотре и редактировании приняли участие ветераны в/ч 9903 Л.А. Булгина и И.Е. Брукер.

Набор и редактирование текста осуществлены руководителем музея и кружка «Краеведение» Лучинской СОШ Ярославского МО Сергеевым И.С. в феврале 2003 года.

Наша группа под командованием Бориса Крайнова после успешного выполнения в немецком тылу первого задания вернулась на базу. База тогда находилась в бывшем доме отдыха на станции Трёхгорка, недалеко от Кунцево, у развилки Минского и Можайского шоссе. Последовал кратковременный отдых с отпуском на неделю в Москву, а затем — занятия. Помимо прохождения военных дисциплин, мы начали регулярные лыжные тренировки.

20 ноября 1941 года две группы, возглавляемые Борисом Крайновым и Павлом Проворовым, направились к линии фронта с новым заданием. Если основной задачей первого задания было минирование дорог, то во втором — упор делался на поджог военных объектов, в том числе и мест дислокации немецких частей. Выехали на двух автомашинах по Можайскому шоссе. Погода была отличной, настроение хорошее.

Кто-то запел песню, все подхватили. По пути все остановились в Кубинке, где сопровождающий нас командир связался с местным военным командованием — штабом 32стрелковой дивизии по поводу предстоящего перехода линии фронта. В Кубинке заночевали. Расположились прямо на полу в доме, где было много военных.

Утром 21 ноября двинулись дальше, в сторону города Наро-Фоминска. Проехав километров 10, свернули с шоссейной дороги в небольшую деревушку Обухово, в которой располагался тогда 322 полк 32 стрелковой дивизии, только что прибывшей на Западный фронт с Дальнего Востока. Она уже участвовала ранее в боях в районе озера Хасан в 1938 году, а также под Москвой на Бородинском поле. Воины этой дивизии были очень мужественными и закалёнными людьми. Они, по существу, и остановили продвижение немецких частей на этом рубеже, а затем освобождали Можайск, Бородино и другие районы нашей страны.

Жителей в деревне не было. Дома приобрели уже нежилой вид. Пока сопровождающий нас командир договаривался с полковой разведкой о возможности перехода линии фронта, наши группы расположились в одном из покинутых жителями домов. В разбитые окна дул холодный ветер. Кто-то затопил печку.

Уже начало смеркаться, когда в сопровождении трёх бойцов полковой разведки 322 стрелкового полка, мы тронулись в путь к берегу реки Нары, где в то время проходили линия фронта. Разведчики направлялись на выполнение боевого задания, а по пути они

должны были проводить нас к наиболее безопасному для перехода участку линии обороны. Справа чернел лес, впереди расстилалось большое поле, заминированное нашими частями.

Одеты в этот раз мы были уже по — зимнему: в шинелях, свитерах, тёплых подшлемниках, меховых варежках, и в огромных, не по размерам, валенках. На боку у нас висели брезентовые сумки с бутылками, наполненными горючей смесью, на спине — рюкзаки с минами, толом и продуктами. Вооружены мы были наганами и ручными гранатами, а юноши, кроме того имели винтовки и кинжалы.

Сразу взяли быстрый темп. Но двигаться быстро в таком одеянии оказалось нелегко. Временами приходилось бегом догонять товарищей. Прошли 1-2 километра. Впереди показались невысокие кусты — это был берег реки Нары, по которому проходила линия фронта. Внезапно, с противоположного берега, затрещал пулемёт. Мы залегли в небольшой лощинке. Когда пулемёт смолк, сопровождающие нас разведчики, хорошо знавшие местность, вместе с Борисом Крайновым и другими ребятами быстро перешли реку, чтобы подавить огневую точку противника. Завязалась перестрелка.

Трассирующие пули пролетали низко над нашими головами. Через несколько минут всё смолкло. И мы увидели возвращающихся разведчиков; один из них был ранен.

Мне пришлось в темноте, почти наощупь перевязать его.

Один из бывших разведчиков Михаил Георгиевич Поспелков, житель города Тюмени, очень жизнерадостный и смелый человек, в своём письме от 3 декабря 1969 года пишет: «Мне ваш отряд запомнился хорошо. Ребята были славные и девушки держались храбро. Мы ещё вас жалели, что идёте на опасное задание. Одно дело — мы, солдаты, это наш долг, да мы были и постарше года на 3-4. Но вы отвечали — «не подведём и сможем сделать всё как и все солдаты.» мы простились с бойцами, и, перейдя реку по шаткому, в несколько жёрдочек, мостику, оказались на другой стороне фронта. Лес подступал почти к самой реке. Сначала шли вдоль реки, а затем, поднявшись на берег, углубились в лес.

Общее командование группами, до их разъединения, принял Борис Крайнов, авторитет которого после первого похода ещё более возрос. Это был очень собранный, волевой командир. Не раз, благодаря его смелости и находчивости, грозящая отряду опасность миновала нас. Первым заместителем Крайнова оставался Павел Проворов, его земляк, очень жизнерадостный и мужественный человек. В группе Проворова я особенно хорошо запомнила девушек: Веру Волошину — высокую красивую блондинку, стройную Зою Космодемьянскую, очень симпатичную Наташу Обуховскую, живую сероглазую Клаву Милорадову. А девушки нашей группы: Наташа Самойлович и Лида Булгина — необыкновенно скромные и отважные — стали для меня совсем близкими, родными людьми.

После небольшого перехода сделали привал. Для рекогносцировки местности вперёд

была послана разведка (Голубев, Самойлович, Булгина). Искали дорогу на Верею, которая по расчётам командира должна быть недалеко. В ожидании возвращения разведки устроили небольшой отдых. Часа через два разведка вернулась — дороги не обнаружили. Все, кроме часовых улеглись спать. Костров не разжигали, так как находились в зоне переднего края немецкой обороны.

Как только рассвело, вновь была послана разведка (Самойлович, Кузмичёв).

Разведчиков ждали долго. Днём устроили обед. Мы с Зоей дежурили. Приготовили нехитрую пищу. Разделали рыбу, бутерброды с маслом. На морозе хлеб был как каменный, масло не намазывалось, а отламывалось крупными кусками.

Зоя была высокой стройной девушкой с ясными лучистыми глазами и короткостриженными волосами. Она походила на юношу-подростка. Молчаливая, даже несколько замкнутая, она держалась очень скромно, ничем не выделялась среди своих товарищей. И нам трудно бы было представить тогда, что эта тихая скромная девушка станет такой героиней. Зоя имела довольно упрямый характер и оделась не так как все в группе. На ней было короткое коричневое пальто, а вместо валенок — сапоги.

Очевидно, она решила, что так её лучше будет выполнять задание. У неё очень мёрзли ноги, но никогда никаких жалоб мы не слышали от неё. Мы старались чем могли помогать ей: дали шерстяные носки, заставляли чаще двигаться. Зоя просила командира направить её в разведку, на что тот ответил, что наступит и её очередь.

Разведка вернулась лишь после обеда. Далеко пройти её не удалось. Работать в тылу стало значительно труднее. Фронт стабилизировался. Противники перешли к глубокой обороне. Немцы успели провести значительные инженерные работы, обмотались проволочными заграждениями, окопались траншеями и окопами.

Отряд снялся с места. Шли лесом. Впереди постоянно находилось боевое охранение — Самойлович, Кузмичёв, Волошина; группу замыкал Голубев — связной между отрядом и охранением. В задачу Кузмичёва и Володиной входило постоянное охранение группы разведки. Они всё время должны были быть готовыми к обороне группы, держа наготове в руках гранаты.

Охранение доложило, что впереди проходит оживлённая дорога, по которой непрерывно движутся обозы. До наступления темноты переждали в лесу. Когда стемнело, перешли дорогу и снова углубились в лес. На пути преодолели проволочное заграждение. Спустились в овраг. Когда поднялись на его противоположный склон, то увидели впереди большую поляну, окружённую лесом, на опушке которого что-то чернело. Вперёд были посланы Кузмичёв и Самойлович, которые в неясных сооружениях обнаружили временные шалаши, оставленные советскими частями.

Пересекли поляну. Вошли в лес. После небольшого привала продолжали идти лесом на запад. Наступила вторая ночь нашего похода. В темноте дошли до опушки леса.

Связной передал, что впереди — шоссейная дорога, за которой расстилалось большое

поле. Отряд оставался на опушке леса. Вперёд была послана разведка (Самойлович, Кузмичёв, Волошина, Голубев), которая благополучно перешла поле и на опушке дальнего леса ожидала всех.

Прошло более часа. Крайнов приказал двигаться всем. В темноте перешли шоссейную дорогу и направились на запад по большому свежевспаханному полю. Крупные комья земли, смешанные со снегом, прилипали к валенкам, затрудняя наше передвижение. Мы часто спотыкались о какие-то, как нам казалось, мешки, наполненные чем-то тяжёлым. Но когда стало светлее, то перед нами открылась страшная картина недавнего боя. Всё поле было устлано трупами советских и немецких солдат. Уже совсем рассвело, когда впереди показалась опушка леса. Наступил третий день нашего пути. Это было уже 24 ноября. Лес приближался. Отчётливо видны были ели, припушённые снегом, белые стволы голых берёзок. Когда до опушки леса оставалось 150-200 метров, раздалась пулемётная очередь — стреляли прямо в нас. Отступить назад было некуда, так как при свете дня на ровном заснеженном поле мы были хорошей мишенью для врага. Группы развернулись в боевой порядок, рассеявшись по полю.

Необходимо было скорее попасть в лес. Часть бойцов устремилась правее огневой точки противника, другая — левее.

Когда я добежала до леса, то основной группы не было, я увидела лишь троих молодых ребят, недавно прибывших в нашу группу. Пулемёт умолк. Стало совсем тихо. Но эта тишина была очень напряжённой. Лес как бы застыл в своём великолепном убранстве, но за каждым кустом нам грозила опасность. Оставив ребят в ельнике, пошла разыскивать группу. Шла медленно, часто останавливалась, прислушиваясь к каждому шороху. Как мне казалось, прошло много времени, что-то около часа. И вдруг я услышала шорох и поняла, что кто-то идёт навстречу, двигаясь таким же манером, как и я. Держа в руках наган, пошла вперёд. Какая же была радость, когда в приближающемся человеке я узнала Кузмичёва — одного из наших разведчиков. А недалеко располагались и остальные члены разведки — Голубев, Самойлович, Волошина.

Дальнейшие поиски остальных членов нашего сводного отряда оказались безуспешными. Так и оказалась наша группа без командира и топографической карты — незаменимого полевого спутника в незнакомой местности. Больше я никогда уже не видела ни нашего командира Крайнова, ни Зои. И уже значительно позже, работая в полевом госпитале, я узнала о героической смерти нашего дорогого товарища Зои Космодемьянской. А в марте 1943 года на Ленинградском фронте под Старой Руссой при выполнении боевого задания погиб наш боевой командир Борис Сергеевич Крайнов — человек несгибаемой воли и большого мужества.

Положение в нашей группе сложилось нелёгким. Голубев, являясь заместителем

командира второй группы Проворова, возглавил группу. В группе возникли разногласия. Голубев настаивал на возвращении на базу, так как работать без карты было очень рискованно; Самойлович — на выполнении задания. Она была душой группы и по существу, возглавила её. Решили продолжать выполнять задание. Снова в путь по ночам. Шли на северо-запад. Днём были небольшие привалы. Старались по-возможности выполнить задание, хотя ориентироваться на незнакомой местности без топографической карты было трудно. В охранении почти всё время находилась Наташа Самойлович и Вера Волошина. Мы заминировали около десятка участков автомобильных дорог. Послали разведку в деревню Болдино. Там несколько позже подожгли крайние сараи и стога сена возле них.

Примерно на пятый(или шестой) день к нам присоединилась группа советских бойцов (человек 6-8), вышедших из окружения. Многие из них несколько раз пытались перейти линию фронта, но их попытки оставались безуспешными. Голодные и оборванные, измученные душой и телом, некоторые из окруженцев начали терять остатки своей воли и надежду в возможность возвращения к своим. Сначала мы были рады такому пополнению. Мы поделились с ними последними остатками своих продуктов, помогли как могли. Но вскоре поняли, что такое пополнение не помогает работе группы. С ними мы не могли организовать настоящей разведки, а о выполнении основного задания не могло быть и речи. Окруженцы часто нарушали наши правила передвижения. Они двигались очень близко к охранению, не оставляя интервала между ним и группой. При внезапной остановке они резко бросались в сторону, пренебрегая маскировкой и производя большой шум. Чтобы не потерять всю группу, мы окончательно решили, что выполнять задание в таком составе невозможно, и взяли направление на Восток, к линии фронта. Отряд приуныл.

Возвращаться обратно, не выполнив полностью задания было нам не по душе. Другого выхода не находили. Уже не слышно было ни шуток, ни смеха на привалах. Замолчала обычно жизнерадостная Вера Волошина. Поутихли её весёлые глаза. В эти дни она очень изменилась. Её красивое лицо сильно осунулось. Говорила, что ей нездоровится.

При движении на Восток, примерно на шестой день, на нашем пути встало проволочное заграждение, которое мы преодолели. перешли хорошо накатанную дорогу. Углубились в молодой ельник. Впереди шёл молодой танкист — окруженец, за ним — Голубев, Наташа Самойлович и Вера Волошина, дальше все остальные. Не успели пройти и 100 метров, как раздалась автоматная очередь и мы увидели совсем близко (в 10-20 метрах) немецкого автоматчика, стрелявшего в нас почти в упор. Упал танкист, упала Вера. Отряд рассеялся по ельнику. Собрались в лесу.

Назад направили трёх человек, чтобы вынести погибших товарищей. Разведчики на поляне никого не нашли. Гибель товарищей очень огорчила нас.

При обстреле, споткнувшись об ёлочку, я упала; большой, не по размеру валенок соскочил с ноги. Пошарила в темноте — ничего не нашла. Так и осталась обутой в одном валенке. Пришлось одеть на ногу две варежки и брезентовую сумку.

Не прошло и нескольких часов, как нас вновь обстреляли из автоматов. Но жертв не было. Мы рассеялись по кустам. Долго собирались вместе. Снова шли к заветной опушке леса. Под утро на опушке группа в третий раз была подвергнута обстрелу — мы находились на переднем крае немецкой обороны. Решили снова вернуться в глубь леса, который в этом месте был очень редким. Расположились прямо между двумя дорогами, недалеко от их развилки, по которым непрерывно сновали повозки, машины; отчётливо была слышна немецкая речь.

Кончились продукты. Очень хотелось пить. Развели небольшой костёр. Растапливали небольшими порциями снег. Но снег не утолял жажды. Наташа Самойлович с сестринской нежностью ухаживала за мной. Заставляла разуваться, натирала ногу спиртом, а затем — смазывала жиром. На морозе не всегда хотелось этого делать, но Наташа была неумолима. Благодаря её заботам я обошлась без серьёзного обморожения ноги.

При осмотре местности мы с Наташей обнаружили под елью человека. Это был выходящий из окружения кадровый командир. Он обессилел от холода и голода, и не мог совсем двигаться. К сожалению, фамилия его осталась для нас неизвестной. Командир имел топографическую карту. Накормив и напоив его тепловатой водой, мы рассказали о наших трудностях.

Прошли ещё сутки. Командир окреп, уже мог потихоньку двигаться. Разожгли костёр. Заметив наличие белого полотна у одного из окруженцев, мы с Наташей по совету командира, сшили всем маскировочные халаты. Шили со слезами. Пальцы на морозе замерзали. Иголка с трудом входила в полотно.

И под покровом ночи, когда разыгралась снежная буря, мы снова пошли к злополучной опушке леса. Прошли мимо землянок, но в них не было немцев; но в них не было немцев; под ноги попался немецкий котелок. Вот и опушка леса.

Впереди на поле что-то ярко горело. Шёл сильный снег. По приказу командира выходили на поле по одному — сначала Наташа, затем — я, потом — командир и дальше — все остальные. На середине поля остановились. Недалеко от нас горели подождённые снарядами стога сена. Здесь все собрались вместе.

Прошли поле. Дальше наш путь пролегал по Нарским озёрам, из которых берёт начало река Нара. Сначала шли по одной из осушительных канав, а затем вступили на лёд замёрзшего озера. В середине пути небо озарилось ярким светом — десятки «жар-

птиц» летели над нашими головами. Это стреляла «Катюша» по тому району, откуда мы только что вышли. Мы облегчённо вздохнули. Взятое нами направление было правильным.

Стало светать. Метель улеглась. На белой глади озера мы были хорошей мишенью. Немцы в последний раз обстреляли нас. Но трассирующие пули яркой окраски пролетали немного выше нас. Подошли ближе к противоположному берегу озера. Наше дальнейшее продвижение преградило проволочное заграждение. Командир приказал нам залечь, а сам пошёл искать проход в заграждении. Вскоре мы увидели за проволокой маленькую фигуру, которая двигалась навстречу командиру. Мы с большим вниманием наблюдали за их сближением. И прозвучало: «Стой! Кто идёт?» за проволочным заграждением была наша сторона. Это было в самом начале декабря 1941 года. Нас проводили в деревню Акулово, находящуюся километрах в пяти от озера. Оттуда, через штаб Западного фронта направили на нашу базу, переместившуюся уже непосредственно в Москву, в Лефортово.

Что же стало с остальными товарищами?

Из донесения Б.С. Крайнова следует, что после злополучного обстрела он решил, так как у него остались лишь Булгина и Щербаков, соединиться с группой Проворова, в которой было шесть человек. «...было решено выполнять задачу этой сводной группой, 25.11.41г. в районе Анакшино, из разведки не вернулись Булгина и Милорадова».

В своём письме, присланном 17.10.71г., почти тридцать лет спустя, Лидия Александровна Булгина — член нашей группы, сообщает следующее.

После обстрела основная часть нашего сводного отряда, состоящая из представителей обеих групп и двух командиров, ожидала нас весь день до самой темноты на противоположной опушке леса. А затем они направились в Западном направлении. Шли главным образом лесом. На третьи сутки, как уже было отмечено выше, из разведки не вернулись Лидия Булгина и Клавдия Милорадова, которые, как рассказывает Лидия Александровна, «попали на немцев и водили их за собой почти целую ночь. Они, правда, в нас не стреляли, вероятно, хотели взять живыми. Мы же боялись привести их к группе и отводили за собой в другую сторону. Нам удалось от них оторваться, но группу мы на старом месте не нашли (а может быть, места не нашли). День прошёл в поиске, а потом решили идти на Восток, к своим. Шли по компасу». «Шли лесами, в деревни не заходили. Почти двое суток бродили в расположении немецких частей. Чуть-чуть не попали к ним в гости, когда хотели отдать листовки к ним в блиндаж. Они нас хорошенько обстреляли, но опять-таки мы ушли. Потом они ходили весь день по нашим следам. Опять нам посчастливилось от них уйти. Вышли к своим же у деревни Обухово и попали в ту же часть, что нас переправляла через линию фронта».

Шёл декабрь месяц. Зима 1941 года была очень суровой. Отряд находился всё время

вблизи переднего края обороны. Разводить большие костры было опасно. Посушить свою одежду было негде. Особенно быстро намокали валенки. Ребята начали заболеть. Сильно заболел и Павел Проворов. Крайнов приказал Наташе Обуховской сопровождать больных к линии фронта. В упомянутом выше донесении Крайнов сообщает: «В районе Усадкова со мной осталась Космодемьянская и Клубков. Я решил поджигать объекты. Дошли до Петрищева и зажгли четыре строения. На место сбора Космодемьянская и Клубков не вернулись. Ждал до утра. В районе Детской Коммуны, Мякишево перешёл линию фронта 29.11.41г.»

Долгое время мы не знали, что стало с Верой Волошиной после её ранения. В конце 50-х годов, журналист Г.Н. Фролов заинтересовался её судьбой. В течение многих лет он осуществил большую поисковую работу, завершившуюся изданием нескольких книг о Вере Волошиной и её друге Юрии Двужильном. В процессе работы он неоднократно обращался к нам — ветеранам, выполнявшим вместе с Верой задание в тылу врага. Мы часто встречались с Натальей Трофимовной Самойлович, вспоминая по крупицам события тех далёких, но очень памятных для нас дней. Для поиска на местности, нужна была карта. К сожалению, карту в то время я не видела, так как она находилась только у командира. Пришлось очень внимательно посмотреть старые карты предвоенных лет, чему помогло моё пребывание на географическом факультете МГУ, где я проработала более 30 лет по картографической специальности. В результате тщательного анализа содержания карт, была составлена примерная схема нашего движения по тылам противника в октябре-декабре 1941г. конечно, эта схема не могла претендовать на абсолютную точность, но общее представление о районе действий она передавала. Имея на руках упомянутую схему, Г.Н. Фролов и Н.Т. Самойлович несколько раз выезжали в район обследования.

В результате опроса местного населения выяснилось, что в совхозе Головково 29 ноября 1941г. была казнена неизвестная партизанка, которой оказалась Вера Волошина. Раненная Вера попала к врагам, но не сдалась, не выдала своих товарищей и встретила смерть с высоко поднятой головой — пением Интернационала. Обо всём этом Г.Н. Фролов очень подробно рассказывает в своих книгах. Сейчас на месте казни Веры Волошиной в совхозе Головково установлен обелиск. Она захоронена в братской могиле в деревне Крюково, где усилиями комсомольцев Кооперативного института, в котором до войны обучалась Вера и Ростокинской камвольно-отделочной фабрики, где долгие годы проработала Н.Т Самойлович, сооружён памятник и музей имени В.Д. Волошиной. В этом им помогали также студенты Архитектурного института.

Прошли годы, поросли травой могилы героев. На месте боёв и пожарищ выросли новые, более прекрасные города и посёлки. Подросло новое молодое поколение, не знавшее ужасов войны. Но в памяти народной вечно будут жить имена героев,

отдавших лучшие годы своей жизни ради нашего общего счастья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Второе задание группа Б.С. Крайнова выполняла с 20 ноября по 3 декабря 1941 года на Западном направлении, в районе Кубинки — Наро-Фоминска — Дорохово.

Линию фронта перешли 21 ноября у д. Обухово вместе с группой П.С. Проворова, с которой вместе действовали три дня под общим командованием Б.С. Крайнова. Утром наш сводный отряд попал под сильный пулемётный обстрел, при этом группы смешались, образовав две новые.

Состав групп:

Группа Бориса Крайнова

1. Б.С. Крайнов (командир)
2. И.Е. Брукер
3. Л.А. Булгина
4. А.Ф. Воронина
5. Ф.П. Кузмичёв
6. К.А. Лебедева
7. Н.А. Леонтьев
8. Н.Т. Самойлович
9. П.П. Смирнов
10. И.Ф. Щербаков

Группа Павла Проворова

1. П.С. Проворов (командир)
2. В.Д. Волошина
3. А.Ф. Голубев
4. И.М. Емельянов
5. В.А. Клубков
6. И.К. Кирюхин
7. З.А. Космодемьянская
8. К.А. Милорадова
9. Н.И. Морозов
10. Н.М. Обуховская

Состав групп после обстрела 24 ноября

А)

1. А.Ф. Голубев (из группы П.С. Проворова)

2. В.Д. Волошина
3. Ф.П. Кузьмичёв
4. Н.Т. Самойлович из группы (Б.С. Крайнова)
5. И.Е. Брукер
6. А.Ф. Воронина
7. Н.А. Леонтьев
8. П.П. Смирнов

Б)

1. Б.С. Крайнов
2. Л.А. Булгина (из группы Б.С. Крайнова)
3. К.А. Лебедева
4. И.Ф. Щербаков
5. П.С. Проворов
6. И.М. Емельянов
7. В. А. Клубков (из группы П.С. Проворова)
8. И.К. Кирюхин
9. З.А. Космодемьянская
10. К.А. Милорадова
11. Н.И. Морозов
12. Н.М. Обуховская

Примерный маршрут групп:

А) Кубинка — Обухово — Выглядовка — Ямино — Болдино — Дютьково — Акулово.

Б) Кубинка — Обухово — Выглядовка — Анаксино — Усатково — Петрищево — Мякишево — Детская коммуна.

Группами пройдено:

А) свыше 20 километров.

Б) свыше 40 километров.

Группами («А» и «Б») заминировано около десятка участков автомобильных дорог, подожжены пять строений; нарушена телефонная и телеграфная связь на линии Дютьково — Крюково, а также собраны разведывательные сведения о войсках противника.

При выполнении боевого задания героической смертью погибли бойцы группы П.С. Проворова: В.Д. Волошина и З.А. Космодемьянская, которые были казнены фашистами 29 ноября 1941г.

6 апреля 1986 г.

Ветеран в/ч №9903 г. Москва А.Ф. Воронина

/Воронина/

